

113502

ИЗДАНИЕ
ЗЛАТОУСТОВСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО
КРУЖКА УЧАЩИХСЯ.

Протоіерей Н. И. БОГОЛЮБСКІЙ.

Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

ВОПРОСЪ
О МІРОВОЗЗРѢНІИ ВЪ ВИДУ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Христіанство, какъ вѣчный и животворный
источникъ правильнаго міровоззрѣнія.

ЛЕКЦІЯ,

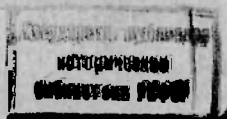
прочитанная на торжественномъ актѣ Кръжка
29 января 1915 г.

837/5

Москва.— 1915.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.

Петровка, д. 26. Тел. 1-31-34.

1232116V

ВОПРОСЪ

о міровоззрѣніи въ виду современной войны.

Христіанство, какъ вѣчный и животворный источникъ правильнаго міровоззрѣнія.

Ужъ сколько разъ твердили міру, что растущій въ Германіи, а вслѣдъ за нею и во всей Европѣ и даже во всемъ свѣтѣ, милитаризмъ не обѣщаетъ ничего хорошаго народамъ. И какимъ темнымъ пятномъ на культурномъ горизонтѣ выступала всегда одна только мысль о возможности кровопролитія на территоріи образованныхъ странъ! Предчувствовалось, что если будетъ война, то еще небывалая до сихъ поръ по своимъ ужасамъ, такъ какъ на сцену выступятъ всѣ возможные „научные фабрикаты“. И странное дѣло—чего боялись, то и случилось. Но, во всякомъ случаѣ, не предполагалось, что къ ужасамъ „научнымъ“ еще прибавятся ужасы варварства до-культурныхъ нравовъ. Виновники милитаризма и возникновенія самой войны оказались нарушителями всякихъ не только международныхъ договоровъ, но и самыхъ примитивныхъ началъ права. Воскресли мрачныя эпохи ассиро-вавилонянъ, гунновъ, вандаловъ и т. п. Дикій грабежъ мирныхъ гражданъ, всякіе виды насилія и разрушенія, истребленіе славныхъ городовъ, знаменитыхъ памятниковъ наукъ и искусствъ...

Все это, конечно, должно было сорвать всякія маски культурности съ нашихъ, гордыхъ своимъ просвѣщеніемъ, враговъ, и передъ нашими глазами предстала духовная физиономія ихъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Просто не хотѣлось мириться съ описываемыми фактами нѣмецкихъ злодѣяній. До извѣстной степени понятно и то, почему и доселѣ еще находятся лица, пытающіяся, такъ или иначе, защищать нѣмцевъ отъ явно позорящихъ ихъ безумныхъ дѣяній. Вѣдь въ средѣ нашихъ ученыхъ сплошь и рядомъ встрѣчаешь лицъ, обязанныхъ всѣмъ своимъ образованіемъ, всѣмъ ученымъ багажемъ своимъ нѣмецкимъ университетамъ, нѣмецкимъ профессорамъ, нѣмецкимъ книгамъ. Да вообще мы всѣ привыкли уважать Германію, какъ страну передовую во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства, техники, промышленности, торговли и пр. Съѣздить въ Германію для

*) Произнесено на торжественномъ актѣ Кружка, въ помѣщеніи Александровскаго Коммерческаго училища 29 января 1915 г.

русскихъ людей всегда было и полезнымъ, и пріятнымъ дѣломъ, для иныхъ же только плѣнительною мечтою. Кому въ юности приходилось учить краткую исторію философіи, тотъ особенно наполнялся чувствами почтенія къ величайшимъ мыслителямъ-нѣмцамъ: къ Канту, Фихте, Шеллингу, Гегелю. Всякая средняя школа научала искать чего-то высокаго, вѣчнаго, свѣтлаго, прекраснаго въ стихахъ Гете, Шиллера. Обычно не дорастаютъ юноши въ среднихъ школахъ до такого развитія, чтобы дѣйствительно понимать красоту возвышенной поэзіи великихъ художниковъ слова, но, во всякомъ случаѣ, въ юную душу навсегда залегаютъ чувства какаго-то особеннаго благоговѣнія къ безсмертнымъ нѣмецкимъ поэтамъ, украшающимъ всемірную литературу. Наконецъ, счастливы, имѣющіе возможность войти въ боѣе или менѣе близкое знакомство съ областью музыки, съ раннихъ дней жизни слышатъ съ почтеніемъ произносимыя имена Бетховена, Моцарта, Шумана, Шуберта и пр., и все вѣдь это— краса Германіи, желанная, завидная для всякой страны и народности. Неудивительно, что съ молодыхъ ногтей всѣ мы проникались невольно уваженіемъ, совершенно безкорыстнымъ, къ нашимъ сдѣланнымъ нашими учителями и вождями на путяхъ науки и искусства, культуры и цивилизаціи. Для самого великаго Петра-Преобразователя было лестно стоять поближе къ сосѣду-нѣмцу, поучиться у него всякимъ художествамъ, полезнымъ для молодой Россіи, только что вступавшей на новую для нея дорогу европейскаго просвѣщенія. Онъ считалъ за удовольствіе давать городамъ русскимъ нѣмецкія имена, отъ которыхъ мы теперь съ неменьшимъ удовольствіемъ отказываемся. Во всѣ послѣдующія времена мы продолжали считать нѣмцевъ необходимыми, обязательными, незаменимыми просвѣтителями нашими. Немало всегда мы страдали отъ этого и обыкновенно мирились съ своимъ положеніемъ.

И вотъ, что же видимъ теперь? Помните, у Гете въ его знаменитомъ „Фаустѣ“ маленькую сценку, когда привязавшійся къ Фаусту черный пудель у него на глазахъ, въ кабинетѣ, превратился въ Мефистофеля. Фаустъ, изумленный метаморфозой, восклицаетъ: „такъ вотъ чѣмъ ты начиненъ былъ, пудель!“ Эту сказочку вспомнилъ недавно одинъ французскій писатель въ журналѣ „Revue des deux mondes“ въ письмѣ по поводу современной войны. И намъ естественно теперь спросить о нашихъ бывшихъ просвѣтителяхъ: что съ ними стало? Куда дѣвались ихъ прославленный гуманизмъ, ихъ культуртрегерство, съ которымъ они такъ носились по всему міру? Хотя объ ихъ способѣ вести войну мы и раньше кое-что слышали, напр. въ тѣ недалеки отъ насъ ушедшіе дни, когда тотъ же кайзеръ Вильгельмъ посылалъ отрядъ на берега Желтаго моря, чтобы наказать Китай за убійство нѣмецкаго посланника. Опъ не постыдился тогда передъ всѣмъ свѣтомъ дать начальнику отряда

приказъ— „не щадить“ виновныхъ. А затѣмъ, на памяти у всѣхъ совершенное не очень давно нѣмцами поголовное истребленіе какого-то африканскаго племени, осмѣлившася въ чемъ-то не покориться своимъ поработителямъ. Въ нашихъ ушахъ еще звучать надменные заявленія Вильгельма, рассчитанія на всемірный эффектъ: „Мы, нѣмцы, никога не боимся, кромѣ Бога“. Конечно, — скажемъ мы — Бога нельзя не бояться. („Не надѣйтесь на князи, ни на сыны человѣческіе“... „Богъ намъ прибѣжище и сила“). Но вѣдь не во всякихъ устахъ и не всегда даже библейскія выраженія имѣютъ свой собственный смыслъ. Словами св. Писанія велъ бесѣду и самъ сатана во время искушенія Иисуса Христа въ пустынѣ. Текстами библейскими пользуются по различнымъ побужденіямъ — иногда для того, чтобы произвести эффектъ, иногда просто ради остроумія. А германскій кайзеръ указаніемъ на Бога выразилъ только свою надменность. Въ началѣ настоящей войны онъ самъ далъ намъ ключъ къ объясненію своей дѣйствительной религіи: вѣроятно, всѣмъ помнятся его демонстративныя рѣчи о томъ, что „старый нашъ Богъ поможетъ намъ“... „Я, императоръ, органъ Бога; что я говорю, то говорю отъ Бога, Онъ далъ мнѣ мечъ, и я владѣю имъ такъ, какъ мнѣ поручилъ Богъ“... Позволить ли себѣ сказать такъ смиренный религіозный человѣкъ? Мы, конечно, знаемъ, что „цари поставляются Богомъ“, и что „власть отъ Бога“. Но знаемъ и то, что не тамъ Богъ, гдѣ гордыня: „Гордымъ Богъ противится, благодать же даетъ смиреннымъ“. Власть отъ самая отъ Бога, но носителями власти бывали и достойныя и совершенно недостойныя лица: Нероны, Диоклетіаны, Юліаны и пр., а также Тамерланы, Салманассары, Навуходоносоры. О, конечно, послѣдній побилъ рекордъ кайзера страны христіанской, потому что мечталъ поставить „престоль свой выше звѣздъ небесныхъ“ и стать „подобнымъ Вышнему“. Но и фамиллярныя отношенія къ Богу Вильгельма чего-нибудь да стоятъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь его соперникъ въ гордости былъ язычникъ, жилъ за много вѣковъ до Р. Хр., когда о смиреніи и другихъ добродѣтеляхъ христіанскихъ не знали не только халдеи, но даже и позднѣйшіе наиболѣе просвѣщенные народы языческіе.

Выраженіе „старый нашъ Богъ“, значить — какой-то особый „нѣмецкій“ Богъ, а не Богъ всѣхъ людей, не Отецъ небесный, о которомъ говоритъ св. Евангеліе, не тотъ Господь, который всѣмъ желаетъ спасенія, у котораго нѣтъ эллина и іудея, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, варвара и скива“... Въ рѣчахъ Вильгельма о „старомъ нѣмецкомъ Богѣ“ заключается что-то подозрительное, нехристіанское, чуждое духа Христова, напоминающее древнюю, языческую замкнутость и презрѣніе ко всему чуждому. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти выраженія: нѣмецкій языкъ, нѣмецкая пѣсня, нѣмецкая музыка, нѣмецкія женщины, нѣмецкій солдатъ — все это звучитъ какъ-то гипербо-

лично, надменно, какимъ-то грубѣйшимъ fortissimo. Есть гордость англійская, напр., но это нѣчто другое: не давящее, не вызывающее, не раздражающее, не говорящее о другомъ Богѣ, специально-англійскомъ, или о другомъ какомъ-то культѣ, не таящее въ себѣ ничего презрительнаго по отношенію къ другимъ народамъ, ничего обиднаго для другихъ. Любить свое родное — это такъ естественно всѣмъ и каждому изъ насъ. Но любовь къ свосму не требуетъ непременно ненависти къ чужому. Есть — мы знаемъ — любовь и уваженіе даже ко врагамъ. И не потому такъ говорится о нѣмцахъ, что они въ настоящее время наши враги, а англичане — союзники. Есть факты, дающіе намъ право говорить такъ. Намъ извѣстно, какъ относятся къ насельникамъ колоній англичане и какъ — нѣмцы. Разумѣется, нигдѣ не обходилось безъ кровопролитія, и мы не можемъ не помнить объ извѣстной напр. бурской войнѣ въ южной Африкѣ. Но буры теперь благословляютъ своихъ побѣдителей за дарованныя имъ блага мирной цивилизаціи. Нѣмцевъ же никто не благословляетъ. У нихъ нѣтъ ни къ кому ни малѣйшаго великодушія, а вездѣ только одинъ страхъ и угрозы, штрафы, реквизиціи, разстрѣлы, казни. Никого не щадить, а всѣхъ давить, всюду выжимать доходы, всѣхъ смирять, онѣмечивать: вотъ въ чемъ нѣмецкая тактика. Разные мирные, торговые и военные договоры для нѣмцевъ только политическій, утилитарный рассчетъ. Искренности — нигдѣ, ни въ чемъ. Не одно развитое культурное самосознаніе руководило до сихъ поръ нѣмцами, нѣтъ! а сознаніе своего исключительнаго превосходства передъ всѣми націями, болѣе того — сознаніе своей особенной *мисси*, своего высшаго отъ Бога призванія — стать во главѣ всѣхъ народовъ на землѣ, подчинить ихъ своему вліянію и распоряжаться всѣми, какъ существами низшей породы и созданными только для того, чтобы быть и жить въ покорности у нѣмцевъ.

По нѣмецкому сужденію, есть народы, уже самою природою опредѣленные для культуры и, слѣдовательно, для господства, и есть народы — и таковыхъ подавляющее большинство — предназначенные къ естественному прозябанію, неспособные къ культурѣ и представляющіе собою только матеріалъ для всякихъ операций надъ ними культурныхъ націй. Въ свою очередь и причастные къ культурѣ народы не всѣ одинаковы: тутъ есть свои градации, зависящія отъ степени природныхъ способностей и отъ того, насколько одни опередили другихъ исторически въ культурѣ и цивилизаціи. Вполнѣ же культурный народъ — это одинъ народъ на земномъ шарѣ — ну, конечно, нѣмецкій. *Deutschland über alles* — Германія „надъ всѣмъ“, „выше всѣхъ“ (такими словами начинается одинъ нѣмецкій народный гимнъ). А дальше слѣдуетъ новое логическое заключеніе: на чьей сторонѣ превосходство культуры, на той и сила, а гдѣ сила, тамъ и право. Культурный народъ умѣетъ создать себѣ и силу неодолимую, и право: оказывается, право-то и есть не что иное, какъ произволь

сильнаго надъ слабымъ. Некультурные народы лишены и силы, и права въ отношеніяхъ своихъ къ культурнымъ народамъ: ихъ право одно — умѣть повиноваться. Сильная, она же и культурная, народность никому не отдаетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и планахъ, и все, что бы она ни продѣлывала, все это ея исключительная привилегія. Ея высшая даровитость сама собою говоритъ о ея правахъ на всѣхъ и на все. Нѣмецкій умъ долженъ распоряжаться по своему усмотрѣнію грубымъ матеріаломъ, разбросаннымъ по земному шару, и выдѣлывать изъ него все для своего употребленія для общей пользы. Вотъ такимъ матеріаломъ для германскаго ума и служатъ всѣ некультурные и мало культурные народы, проще говоря — народы не-тевтонской крови. Вотъ по масштабу какихъ воззрѣній строили нѣмцы свою политику! Въ частности же, нѣмецкая политическая философія нмѣетъ въ виду романскіе народы. У нѣмцевъ всегда жила и направляла ихъ мышленіе, ихъ политику идея борьбы съ тѣмъ наслѣдствомъ, которое получили романскіе народы отъ культуры греко-римскаго міра. Нѣмцы и тутъ хотятъ показать себя, по своей тевтонской гордости, независимыми въ своей культурѣ. Они совершенно не признаютъ историческаго значенія (для себя, по крайней мѣрѣ) за основнымъ, духовнымъ капиталомъ который внесенъ на вѣчныя времена гениемъ греческаго и римскаго народа въ общую сокровищницу всемирной культуры и цивилизации. Нѣмцы будто бы самородки во всемъ и призваны къ тому, чтобы затмить своею культурою все — и настоящее и прошедшее!

Исторія убѣждаетъ насъ, что классическая культура сдѣлала колоссальный переворотъ въ сознаніи средневѣковаго человечества, такъ или иначе приобщившагося къ ней. Классическое „Познай самаго себя“ — вотъ что заложено было въ самую основу того, что называется обще-человѣческой культурой. Познавъ человѣка, возвыситъ высшее въ человѣкѣ, выявитъ свѣтлое, доброе, божественное, показать красоту духовной стороны человѣческаго существа, въ противобѣсъ матеріи, плоти, какъ чему-то „не-сущему“, т. е. недостойному осмысленнаго бытія. Это вѣдь было самое существенное изъ всего, что было сказано, открыто человечествомъ до пришествія въ міръ христіанства. Многое въ этой области было не досказано, многое нуждалось въ поправкахъ, въ расширеніи и углубленіи. Тутъ недоставало ни обработанной почвы, ни соответствующей атмосферы, ни надежнаго пробнаго камня, на которомъ можно было бы совершать провѣрку и оцѣнку понятій и мировоззрѣній, проходившихъ по горизонту античнаго мышленія. Освѣщеніе въ общемъ было далеко неполное, часто прямо обманчивое, способное завлечь въ сторону отъ правильнаго пути къ истинѣ. Внѣ богооткровеннаго водительства всѣ искатели истины, — какъ странники, идущіе въ пустынной степи безъ компаса, — всегда рискуютъ попасть совсѣмъ не въ ту сто-

рону, куда нужно, или увлечся какимъ-нибудь миражемъ, принять за реальный предметъ мимолетный призракъ. Времена до-христіанскія апостолъ называетъ „временами невѣдѣнія“.— Однако же, великіе мыслители классической старины—по отзывамъ свв. отцовъ христ. Церкви—въ своихъ сочиненіяхъ оставили немало свѣтлыхъ мыслей, до извѣстной степени подготовившихъ почву въ сознаніи язычниковъ греко-римскаго міра для болѣе или менѣе отзывчиваго отношенія ихъ къ евангельскому благовѣстію. Философы классическаго міра были въ извѣстной степени „пророками“ язычества, предугазывавшими божественный Логосъ, который долженъ явить себя среди темной области повсюднаго зла и неправды и въ борьбѣ дать, наконецъ, торжество жизни въ правдѣ и истинѣ. Лучшіе представители античнаго міра несомнѣнно прозрѣвали умами своими грядущее избавленіе чловѣчества не путемъ насилія и видимыхъ какихъ либо средствъ, а принципиальнымъ путемъ права, основаннаго на началахъ разума. Исторія намъ говорить о великомъ значеніи „эпохи возрожденія“, когда предъ новой Европой открылись источники античной мудрости: и какаѣ то была дѣловая эпоха! Какъ закипѣла тогда умственная работа! Какой невѣдомый міръ глубокихъ идей тогда открылся сознанію мыслящихъ и ищущихъ людей! Имена Сократа, Платона, Аристотеля произносились тогда съ необычайными чувствами почтенія. Ихъ сравнивали съ пророками. Ихъ изображали на стѣнахъ церквей, изученіе ихъ сдѣлалось священнымъ долгомъ каждаго образованнаго чловѣка. Однобокаѣ схоластика, безжизненная, безжизненная, не могла уже привлекать вниманія ученыхъ людей. Наука праздновала свое освобожденіе отъ чѣпей и шаблоновъ средневѣковья: только съ эпохи возрожденія она сдѣлалась настоящею наукою, съ своими методами свободнаго изслѣдованія, чловѣческое самосознаніе поднялось на небывалую еще высоту. Религія, съ своей стороны, должна была выиграть въ смыслѣ сознательности, чего безусловно недоставало средневѣковому христіанству. Христова вѣра по принципу не угнетаетъ чисто чловѣческаго элемента въ чловѣкѣ, она, напротивъ, поднимаетъ его на непонятную для средневѣковаго міровоззрѣнія высоту богоподобія, указывая для этого образецъ въ самомъ Богочловѣкѣ—въ Сынѣ Божіемъ, принявшемъ въ свое Божество чловѣческую природу, съ нею и пострадавшемъ, умершемъ, съ нею же и воскресшемъ, съ нею и вознесшемъ на небо и возсѣдшемъ одесную Отца. Въ усвоеніи такого догмата вѣры и могло помочь до нѣкоторой степени именно такое міровоззрѣніе, которое исходило изъ правильнаго пониманія чловѣческой природы. Возрожденное античное направленіе мысли правильно было названо гуманистическимъ (humanus—чловѣческій) при нормальномъ теченіи мысли гуманистическое міровоззрѣніе и должно бы стать двигателемъ и регуляторомъ научныхъ изслѣдованій и философскихъ созерцаній.

Суть этой нормальности заключается, очевидно, въ гармоніи соотношеній духа и плоти. Мы знаемъ, что въ послѣдствіи желанная гармонія была нарушена въ области научнаго мышления. Въ наиболѣе легкомысленная эпохи разумъ обнаруживалъ склонность выдвигать вездѣ на первый планъ плотскія, матеріальныя цѣнности въ ущербъ и униженіе началъ духовныхъ. Въ области религіознаго познанія такая односторонность сказывалась невѣримо, атеистическими выпадами, недостойною борьбой съ христіанствомъ, съ идеями духовности. Это эпохи такъ называемаго рационализма (разумъ, рассудокъ), это эпохи злоупотребленія разумомъ. Много они принесли вреда, много оторвали людей отъ вѣры и церкви. Много влили яда въ область религіознаго и вообще духовнаго мировоззрѣнія. Но принципиальная сторона дѣла, при всякихъ отклоненіяхъ, въ сущности неизбѣжныхъ, всегда остается неизмѣнной. Такъ и въ данномъ вопросѣ: рационализмъ не коснулся самаго ядра гуманизма. Истинно человѣческій путь всегда будетъ однимъ и тѣмъ же путемъ къ высшимъ духовнымъ цѣностямъ. Это путь духовности, одухотворенности, ведущій къ торжеству божественнаго начала добра, и правды, и нравственной красоты,—путь идейный и универсальный, путь единенія эстетики, права, морали, политики, культуры и цивилизациі съ ихъ общимъ материнскимъ лономъ—религіей. Исторія говоритъ о множествѣ отклоненій мысли человѣческой отъ этого нормальнаго пути въ разныя стороны. Но она же говоритъ и о томъ, какъ способная къ возрожденію мысль, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ скитаній по распутиямъ, снова возвращалась къ тому же центральному, прямому пути. На этомъ пути только и возможна общечеловѣческая культурная созидательная работа. Здѣсь не можетъ быть только „своего“, — личнаго или національнаго. Истинно великое есть общечеловѣческое. Здѣсь нѣтъ мѣста эгоизму. Свое родное здѣсь живетъ въ согласіи съ чужимъ и общимъ. Уваженіе къ своему не парализуетъ уваженія къ чужому. И это должно сказываться во всѣхъ областяхъ — и въ религіозной, и въ моральной, и въ культурной, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, — въ отношеніи къ чужому языку, къ чужому закону, къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ обрядамъ, и къ чужамямъ, къ чужимъ святынямъ и памятникамъ, къ чужому имуществу и т. под. Вотъ почему и возмутилась Европа въ лицѣ наиболѣе культурныхъ народовъ — да и не только Европа, — когда нѣмцы показали свою настоящую физиономію во время войны. Просто вѣрить не хотѣлось, что могутъ еще и въ наше время имѣть мѣсто такія дикія проявленія звѣрства въ высококультурной германской націи, такое попраніе и человѣческихъ и божескихъ законовъ, да еще найдутся и оправданія такихъ проявленій со стороны даже всемірно извѣстныхъ ученыхъ. Пройдутъ вѣка и можетъ быть тысячелѣтія, а темные подвиги нѣмецкихъ армій не только не забудутся, а все чернѣе и чернѣе будутъ казаться

на бѣлыхъ страницахъ неподкупной исторіи. Когда-то безумецъ Геростратъ задумалъ прославиться въ исторіи безмысленной загѣей — сжечь знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ, считавшійся однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Неужели императоръ современной Германіи позавидовалъ славѣ этого безумца? Но Геростаты бываютъ въ дни общественнаго упадка и свидѣтельствуютъ своимъ появленіемъ о духовномъ разложеніи народной жизни. Однако и современники Герострата считали позоромъ для себя вслухъ произносить это темное имя. Какъ же гордый вождь высоко-культурнаго европейскаго народа, признающаго себя однимъ изъ христіанскихъ народовъ двадцатаго вѣка, боящійся, по его же словамъ, „одного только Бога“, могъ стать на путь, ведущій къ славѣ Герострата? Это неспроста. Тутъ должна быть извѣстная внутренняя причина, обоснованная на разумныхъ, логическихъ данныхъ, извѣстная (какъ говорятъ въ наше время) идеологія. Вопросъ: какая же?

Въ прологѣ того же „Фауста“ такъ говоритъ Мефистофель Господь объ ученомъ докторѣ Фаустѣ: „Да, теперь онъ служить Мнѣ (разумѣется, своими учеными работами, своей любовью къ наукѣ), еще блуждая въ сумеркахъ, но скоро Я приведу его къ свѣту. Вѣдь когда дерево подрастаетъ, садовнику извѣстно, что скоро оно украсится цвѣтомъ и плодомъ“ Мефистофель (какъ нѣкогда сатана по отношенію къ Іову, по библейскому разсказу) не вѣрится въ неизмѣнную преданность Богу доктора Фауста и испрашиваетъ у Господа позволеніе взять его въ свои руки. „Будь по-твоему“, — говоритъ Господь, — „предоставляю его тебѣ. Отвлеки этотъ духъ отъ его первоисточника. Если можешь, поведи его по твоей покатой дорогѣ и устыдишь, когда тебѣ придется сознаться, что хорошій человѣкъ и въ своемъ смутномъ стремленіи хорошо сознаетъ тотъ прямой путь, по которому ему слѣдуетъ итти“. Мефистофель заранѣе увѣренъ въ своемъ торжествѣ: „Не боюсь, что проиграю свое пари“, говоритъ онъ. — „Нажрется онъ (Фаустъ) земной пыли, да еще съ бѣльшимъ аппетитомъ, чѣмъ моя тетушка, знаменитая змѣя“. И вотъ потомъ дальше Гете, какъ пантеистъ, влагаетъ въ уста Святѣйшаго святыхъ нѣчто уже совсѣмъ не-библейское: „Я никогда не питалъ ненависти къ вашей братіи“, т.-е. къ сатанѣ и его бѣсовскому полчищу. „Дѣятельность человѣка часто ослабѣваетъ слишкомъ легко и въ немъ скоро является желаніе безусловнаго покоя. Оттого-то Я даю ему охотно товарища, который подстрекаетъ его и, хоть онъ чертъ, подбиваетъ его на созидательную работу“... Мысли довольно рискованныя, чтобы не сказать больше. Выходить такъ, что не могло бы быть и добра, если бы не было зла, — значить, зло необходимо. И зло это никто другой сотворилъ, какъ самъ же Богъ. Продолжаемъ мысль дальше: значить, Богъ и не могъ обойтись безъ сотворенія зла. И сатана, слѣдовательно, представляетъ собою величину вполне нормальную и весьма почтенную, безъ

нея не могло бы быть въ мірѣ никакого добра. Но великій художникъ говоритъ устами Мефистофеля больше этого. „Какъ твое имя?“ спрашиваетъ Фаустъ. Мефистофель отвѣчаетъ: „Я часть той силы, которая постоянно хочетъ зла и постоянно творитъ добро“. Видите: зло производитъ добро, такъ же, какъ первосотворенная „тьма произвела изъ себя свѣтъ“, продолжаетъ выяснять свою мысль Мефистофель. Значитъ, далеко не новая мысль, что зломъ можно достигнуть добра и—далее—чѣмъ больше проявится зла, тѣмъ больше сдѣлается добра. Положимъ, это мысли Мефистофеля-сатаны, но тѣмъ ужаснѣе, что нашелся народъ въ XX вѣкѣ, воплотившій эти мысли и, что курьезнѣе, тотъ самый народъ, изъ котораго происходилъ самъ художникъ, создавшій образъ Мефистофеля. Значитъ, тутъ есть что-то если не природно-нѣмецкое, то исторически нѣмцами усвоенное.

Представимъ же себѣ, что въ странѣ великаго Гете и владала мефистофельская идеологія, подогрѣтая историческими условіями германской жизни, успѣхами въ войнѣ съ Франціей, тонкой дипломатіей Бисмарка, торжествомъ колониальной политики, напр., а затѣмъ — успѣхами наукъ, матеріальной культуры, торговли, промышленности, особенно же признаваемыми во всемъ свѣтѣ военными вооруженіями и воспитаніемъ всего народа въ духѣ юнкерства, проникновеніемъ идей милитаризма въ самую нѣдра жизни народной. Куда ужъ и игти дальше? Запасъ мефистофельской энергіи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ накоплялся въ душахъ нѣмецкихъ, для того, чтобы перейти предѣльную норму и сразу вырваться наружу съ всеистребляющею силой: тутъ вступила въ дѣйствіе бессмысленная стихія, передъ которой безсильны всякій здравый смыслъ, всякая мораль, всякая религія—все, что въ нормальное время, такъ или иначе, можетъ сдерживать стихійную силу. Но взглянемъ поближе на самую религію и мораль и науку нѣмцевъ. Религія нѣмцевъ не есть религія, способная быть сдерживающею силою въ условіяхъ, подобныхъ только что указаннымъ. Лютеръ свелъ идею спасенія къ возможности оправданія человѣка одною личною вѣрой во Христа. „Вѣруй и надѣйся“ — вотъ и все: вѣруй, что будешь спасенъ, и получишь спасеніе. Отъ самого человѣка не требуется усиленной работы надъ собою: ни глубокаго анализа совѣсти, ни подвиговъ самоотреченія. Въ лютеранствѣ нѣтъ серьезнаго отношенія къ грѣху. Нѣтъ глубокаго понятія и о святости. Вся святость — въ сердечныхъ переживаніяхъ, въ чувствахъ: чувство вѣры имѣетъ въ себѣ какъ бы магическую силу привлекать на себя благодатное воздѣйствіе свыше. Признается святость въ самомъ человѣкѣ — въ вѣрѣ его (святость субъективная), но не признается святости внѣ самого субъекта (не признается возможность святости объективной). Поэтому догмата почитанія святыхъ въ протестантствѣ не существуетъ. Всякія посредства между человѣкомъ и Богомъ

отвергнуты. И Церковь не почитается, какъ сокровищница благодатныхъ даровъ, подлежащихъ раздаянію вѣрующимъ. Изъ таинствъ Церкви оставлены только два (крещеніе и причащеніе), и не потому оставлены, что необходимость ихъ вызывается самымъ принципомъ вѣроисповѣданія, а просто изъ уваженія къ святой старинѣ преданій: нельзя же было все откинуть изъ того, что принималось съ первыхъ дней христіанства. И то уже немногое осталось въ Лютеровой религіи отъ апостольской Церкви. Отвергнуто, между прочимъ, таинство священства: пасторы для лютеранъ только проповѣдники-спеціалисты и чиновники, уполномоченные договоромъ съ приходомъ на совершеніе богослуженій. Вотъ почему такъ просто смотрятъ въ Германіи на сочетаніе пастырства въ лицѣ ихъ кайзера съ участіемъ его въ войнѣ и управленіемъ дѣлами государства. Одною рукою онъ самозванно совершаетъ богослуженіе съ принесеніемъ безкровной жертвы, другою ведетъ свои арміи въ кровавый бой. Онъ воспроизводитъ собою древняго „верховнаго первосвященника“ въ языческомъ Римѣ, каковымъ считался императоръ. Для христіанства это недопустимое совмѣстительство. Впрочемъ, не одно это является несообразнымъ въ нѣмецкой религіи съ точки зрѣнія христіанской. Все придумано для того, чтобы возвеличить самую человѣческую, и не оставлено мѣста для той основной добродѣтели, съ которой и начинается христіанское совершенство, т. е. смиреніе, расположеніе къ покаянію предъ Богомъ, сознаніе своей грѣховности. Нетрудно понять, почему такую гордость, такую именно противохристіанскую надменность проявляетъ въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ поступкахъ императоръ Вильгельмъ. Онъ заявляетъ, что „не боится никого, кромѣ Бога“. Но на самомъ дѣлѣ онъ не боится и самого Бога. Для него Богъ, по его же словамъ, старый другъ, открывающій ему Свою волю, во всемъ, значитъ, съ нимъ согласный... даже и въ томъ, когда вѣрные завѣтамъ кайзера солдаты производятъ всякіе насилія и грабежи среди мирныхъ гражданъ, безчестятъ храмы Божіи, попираютъ христіанскія святыни. Нѣтъ, не знаетъ Вильгельмъ Бога христіанскаго. И не съ нимъ Богъ, такъ какъ Богъ „не въ силѣ, а въ правдѣ“, какъ говорятъ русскіе люди. Богъ Вильгельма — богъ войны, богъ силы, языческій богъ. Подозрительнымъ представляется относительно христіанственности нѣмецкаго кайзера и то, что въ своихъ напыщенныхъ рѣчахъ онъ не упоминаетъ имени Иисуса Христа, а говорить съ дерзкою фамильярностью только о своемъ нѣмецкомъ Богѣ. Нечего и требовать отъ такого самозваннаго первосвященника, въ военномъ мундирѣ, уваженія къ святынямъ православныхъ или римско-католическихъ храмовъ. Вѣдь для него и свои-то нѣмецкіе храмы не представляютъ дѣйствительной святости и благодатной таинственности: это скорѣе просто удобныя аудиторіи для чтенія лекцій.

Наука съ ея изобрѣтеніями и открытіями въ рукахъ воин-

ствующей Германіи послужила только лишнимъ орудіемъ для тѣхъ же воинственныхъ стремленій злосчастнаго пангермаизма. Она дала Крупповъ и Цейшлиновъ, работающихъ для разрушительныхъ цѣлей. Не наука, конечно, виновата сама по себѣ въ этомъ, виноваты все тѣ же люди, промѣняющіе культурно-христіанскія цѣнности на служеніе Молоху, завидующіе историческимъ лаврамъ Навуходносоровъ и Аттиль. Разъ увѣрвали люди въ языческой культѣ силы, то и все достойное науки и культуры и даже религіи превратилось у нихъ въ бутофорию для служенія Марсу. Если вся сила въ силѣ, а не въ правѣ, не въ морали, не въ религіи, то и наука — этотъ наилучшій изъ факторовъ естественныхъ — будетъ служить только цѣлямъ узкоэгоистическимъ для распространенія матеріальной силы и власти. Такой представитель и воплоитель идей современной Германіи, какъ Бисмаркъ, не безъ основанія прозванный желѣзнымъ канцлеромъ, за научно-моральный прогрессъ признавалъ только развитіе воли и сознанія въ человѣкѣ, а воображеніе и чувство называлъ „илсвелами“ на полѣ культуры и науки. Въ этомъ и заключается существенная разница въ идеяхъ нѣмецкой культуры и культуры греко-романской. Изъ односторонняго рачіоналистическаго міропониманія въ союзѣ съ милитаризмомъ и должны были родиться уродливые продукты, изъ-за которыхъ такъ страдаетъ въ наши дни Европа.

Не нужно, повторяю, смѣшивать самой сущности того, что называется наукой, съ тѣмъ, что составляетъ надстройку на ней, что исключительно относится до тѣхъ или иныхъ выводовъ, которые дѣлаетъ мыслящій человѣкъ въ лабораторіи своего разума. Въ этой работѣ уже не строгія формулы и научно-пробвренныя данныя, твердо установленныя на точныхъ законахъ. Тутъ уже свое, личное, субъективное играетъ первенствующую роль. Тутъ просторъ для фантазіи и настроеній или вліяній, съ наукою иногда ничего общаго не имѣющихъ. Тутъ, несомнѣнно, имѣютъ и не могутъ не имѣть мѣста различныя крайности, зависящія одинаково и отъ преобладанія сухого, холоднаго разсудка, и отъ преобладанія чувства и воображенія, въ ущербъ одного другому. И если въ области точныхъ наукъ невозможны никакія вмѣшательства субъективныхъ настроеній и извращенной воли ученаго работника, то въ области философскихъ построеній, въ составленіи міровоззрѣній, допустимы всякія проявленія субъективизма и всякія инспираціи или стороннія внушенія. И если отъ этихъ факторовъ не бываютъ свободны творцы наукъ, то ученики ихъ, а особенно разные дилетанты зачастую доводятъ гипотезы своихъ учителей до крайностей, до абсурдовъ. Благодаря этому создается такъ наз. духъ времени, своего рода мода на тѣ или другія понятія и воззрѣнія. Одинъ англійскій писатель назвалъ такіе модные умственные періоды „психологическимъ климатомъ“, въ которомъ рождаются и выживаютъ воззрѣнія и теоріи, только подходящія къ климату, а другія —

умирають чуть не при самомъ зарожденіи. Будь они наилучшія по существу, не радикально даже измѣняющія прежнія теоріи, а лишь вносящія нѣкоторыя перемѣны — онѣ уже заранѣе обречены на умираніе, по крайней мѣрѣ, на извѣстный періодъ — до перемѣны климатическихъ условій.

Вотъ почему мы напрасно стали бы искать въ современномъ направленіи нѣмецкихъ умовъ болѣе или менѣе замѣтныхъ слѣдовъ прежняго прославленнаго германскаго идеализма, которому мы въ своей культурѣ очень много обязаны, да и не мы только: давно уже тотъ прежній климатъ смѣнился другимъ. Имена Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и др. идеалистовъ запечатлѣлись у каждаго изъ насъ съ средней школы. Но надо правду сказать — мы знали ихъ не во всей полнотѣ. Канта, напр., мы знали большею частью только со стороны его „Критики практическаго разума“. А вотъ въ настоящее время въ его „Критикѣ чистаго разума“ начинаютъ отыскивать нѣчто, яко бы послѣдовательно ведущее къ самому идолу современной Германіи, надеждѣ и опорѣ кайзера — Круппу. Въ Москвѣ въ религиозно-философскомъ Обществѣ имени В. С. Соловьева въ октябрѣ только что прошедшаго предъ нами года г. Эрномъ былъ прочитанъ докладъ по этому вопросу. Докладчикъ доказывалъ, что 42 сантим. крупповская новинка является прямою и естественною наслѣдницею „Критики чистаго разума“, и ликъ звѣриный — естественнымъ обликомъ кантовской Германіи. „Круппъ цѣликомъ, — говорилъ г. Эрнъ, — заключенъ въ Кантѣ, кантовская философія не могла не разрѣшиться крупповскою пушкою“. Изъ кантовскаго феноменализма докладчикъ выводитъ нѣмецкій милитаризмъ, какъ его „самое натуральное дѣтище“. Милитаризмъ, по мнѣнію Эрпа, есть „коллективно осуществляемый въ планѣ исторіи кантовскій феноменализмъ“. А орудія Круппа — „самое вдохновенное, самое національное и самое кровное дѣтище нѣмецкаго милитаризма“, являются „внуками философіи Канта“. Кантовское „бытіе для себя“ это вѣдь характернѣйшее для современной Германіи. И орудія Круппа, по словамъ Эрпа, чистѣйшій видъ научно и технически организованнаго „бытія для себя“. Эрнъ специалистъ философіи Канта, — онъ давно борется съ Кантовскою философіей. Заподозривать его въ случайномъ увлеченіи современнымъ моментомъ было бы несправедливо. Но... предоставимъ нашимъ философамъ и любителямъ философіи раздѣлять содержаніе доклада г. Эрпа, или же опровергать его. Не можемъ однако не выразить удовольствія по поводу того, что великая война съ нѣмцами освобождаетъ изъ плѣна философскую мысль, открываетъ новыя перспективы и въ области философіи. Къ этому остается прибавить, что, во всякомъ случаѣ, Кантъ въ практической части своей системы сказалъ много глубоко моральнаго — такого, чего у нѣмцевъ послѣднихъ десятилѣтій и днемъ съ огнемъ уже не отыщешь: великій мыслитель искренно желалъ вѣчнаго міра между наро-

дами и проповѣдывалъ объ абсолютной цѣнности человѣческой личности, о томъ, что человѣкъ не можетъ быть средствомъ для другого человѣка и что человѣкъ человѣку не долженъ быть волкомъ и т. д.

Другой философъ, тоже идеалистъ и моралистъ и истый нѣмецъ, Фихте въ своей этикѣ написалъ столько полезнаго для своего народа, что если бы воспитаніе всѣхъ послѣднихъ поколѣній Германіи шло по программѣ великаго моралиста, то могло бы получиться совсѣмъ не то, что получилось теперь. Въ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу“ Фихте, какъ пророкъ, съ удивительной до малѣйшихъ подробностей ясностью предвидитъ возможность того пути, на который на нашихъ глазахъ стала Германія; философъ осуждаетъ этотъ путь, какъ „безнравственный и гибельный“. Мы теперь переживаемъ такой моментъ, когда вопросъ о націонализмѣ предсталъ и предъ нашимъ сознаниемъ во всей своей остротѣ. Теперь уже нельзя отдѣлаться отъ него какими-нибудь „туманными и либеральными фразами космополитизма“. Всѣмъ стало очевидно, что родина есть дѣйствительно мать, и ея жизненные интересы дороги и для каждаго изъ ея сыновъ, что тутъ не только политическое что-то и стихійное, но и прискренне-моральное и интимно-религіозное. Но примѣръ нашихъ враговъ наглядно показалъ намъ, что саціонализмъ можетъ быть извращенъ до зоологизма, до отвратительнаго варварства.

Фихте былъ горячій патриотъ и цѣнилъ индивидуальныя качества своего народа. Но, какъ глубокій мыслитель и безпристрастный гражданинъ, думалъ такъ, что индивидуальность нормально развиться, найти себя, можетъ не иначе, какъ въ живомъ и любовномъ общеніи съ индивидуальностями другихъ народовъ, такъ же, какъ и индивидуальность отдѣльныхъ особей, и, наоборотъ, ненавистью и презрѣніемъ къ чужимъ свойствамъ и особенностямъ она лишь себя разрушаетъ. Философъ называетъ себялюбивою, узкою и уродливою самость нации, какъ и отдѣльнаго человѣка, если она считается самодовлѣющею въ своей индивидуальности и чуждается всего, что работали другіе народы.

Что же сказала бы Фихте, если бы онъ посмотрѣлъ на нѣмецкія поколѣнія послѣдовавшаго за его смертью столѣтія и завершившихся современными намъ сподвижниками-подданными Вильгельма Второго, воплощающаго рельефно всѣ отрицательныя стороны нынѣшняго нѣмецкаго міровоззрѣнія? А вѣдь „Рѣчи къ нѣмецкому народу“ хорошо были извѣстны нѣмцамъ: онѣ были распространены по всему фатерляндю во множествѣ изданій. Несмотря на это, однако же, Германія пошла въ своей политикѣ какъ разъ по пути, осужденному философомъ Фихте. Какъ же такъ вышло—спрашивается: развѣ „Рѣчи“ Фихте оказались совсѣмъ непріемлемыми для грядущихъ за нимъ поколѣній? Или же ихъ постарались перетолковать въ другую сто-

рону, болѣе лестную для національной гордости? Или, наконецъ, въ „Рѣчахъ“ Фихте были также мѣста, благопріятствующія и узко-націоналистическому пониманію? На это приходится отвѣтить, что да, несомнѣнно, Фихте, при всемъ своемъ вдумчивомъ умѣ и видимомъ безпристрастіи въ „Рѣчахъ“ своихъ не избѣжалъ свойственнаго нѣмцамъ самовосхищенія, и достаточно было нѣсколькихъ выраженій, пріятно ласкающихъ нѣмецкое ухо, чтобы получилось впечатлѣніе, преломленное въ націоналистическомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, Фихте объявилъ нѣмецкую націю „солью земли“, и сказалъ, что только она обладаетъ живымъ языкомъ и живой философіей и что только она способна къ настоящей и разумной любви къ своему отечеству. Онъ даже прибавилъ нѣчто такое, что могъ сказать только нѣмецъ, а именно, что „нѣмецкій народъ,—это есть центральное я всѣхъ другихъ народовъ, и что если нѣмецъ не спасетъ культуры человѣчества, то не спасетъ ее никакая другая нація“. Это ужъ прямо непростительно-надменный націонализмъ, приносящій теперь такіе смертоносные плоды прежде всего для самого же нѣмецкаго народа.

Великаго философа думаютъ его почитатели оправдать только тѣмъ, что онъ хотѣлъ своими похвалами утѣшить своихъ соотечественниковъ и поднять ихъ самосознаніе послѣ перенесеннаго ими пораженія при Іенѣ. Есть подобные слѣды нѣмецкаго націонализма и у знаменитаго Гегеля и у другихъ мыслителей-нѣмцевъ. Вотъ почему и не будемъ удивляться тому, какъ это современные ученые Германіи (Гарнакъ, Оствальдъ, Вундтъ, Листъ, Бючли и пр.) пишутъ общее „Воззваніе“ и предъ всѣмъ свѣтомъ не стѣсняются прославлять нѣмецкую культуру и въ настоящихъ ея формахъ, т.-е. оправдывать всѣ насилія, совершаемыя на войнѣ нѣмецкими полчищами. Не думается, чтобы они подписались подъ „Воззваніемъ“ только по приказу императора. Всѣ они воспитаны въ одномъ и томъ же духѣ, учились у однихъ и тѣхъ же учителей, привыкли мыслить подъ однимъ общимъ угломъ излюбленныхъ націоналистическихъ тенденцій. У всѣхъ на умѣ одно—всѣхъ покорить, подчинить Германіи, видѣрить вездѣ нѣмецкую культуру какими бы то ни было способами. Воображаютъ, можетъ быть, что спасаютъ такимъ образомъ человѣчество... даже и тогда, когда добиваютъ раненыхъ на полѣ битвы или когда насилуютъ и увѣчатъ или разстрѣливаютъ мирныхъ жителей непріятельской страны.

Писатели-художники современной Германіи въ оцѣнкѣ совершающихся событій являются также выразителями шовинистическихъ взглядовъ, вытекающихъ изъ преувеличенныхъ понятій объ особенной даровитости и о высшемъ призваніи нѣмецкаго народа къ культурегерству. Характерно въ этомъ отношеніи письмо извѣстнаго русской публикѣ автора „Потонувшаго колокола“ къ французскому писателю Ролану.

Итакъ, въ какую бы область жизни нѣмецъ ни заглянуть, вездѣ одно и то же. Просвѣта нѣтъ. Одебелѣло сердце нѣмецкаго народа. Истину всемирную они погребли на кладбищѣ своего зоологическаго национализма. Правъ былъ Фихте, когда о народѣ, заключившемъ себя въ узкія рамки себялюбія и презирающемъ все чужое, сказалъ, что единственное спасеніе для такого народа можетъ быть только одно — *пораженіе его на войнѣ*. Не предполагалъ знаменитый мыслитель-патріотъ, что такимъ народомъ, нуждающимся въ разгромѣ и униженіи силою извигъ, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти и будетъ его родной народъ. Сама жизнь своимъ судомъ осудила и посрамила нѣмецкую надменность. Евангеліе же Христово произнесло свой судъ надъ гордостью вообще: „*Всякъ возносящій себя униженъ будетъ*“.

Вотъ въ томъ-то и горе, что Слово Бога забывается въ чело-вѣчествѣ, а людьми, опирающимися на гордый разумъ, на философію и „пустое обольщеніе, по преданію чело-вѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ — такими самонадѣянными людьми прямо пренебрегается. Нѣмцы-то и обосновались на такой философіи, пропитанной стихіями міра, въ удаленіи отъ духовныхъ началъ христіанства.

Были, конечно, проповѣдники всякихъ стихійныхъ теорій и въ другихъ странахъ. Но вотъ что замѣчательно: нѣмецкій умъ таковъ по природѣ своей — упорный, настойчивый, и инертный, какъ машина, — что всякую гипотезу, всякую смѣлую мысль, высказанную какимъ-либо ученымъ — въ Германіи ли или въ другой какой-либо странѣ — старается исчерпать до конца, до дна, доводить по разъ принятому направленію до послѣднихъ крайнихъ выводовъ, часто до абсурда, не щадя при этомъ ничего, никого, лишь бы оправдать неумолимья требованія логики: что-то именно машинное, бездушное! Вотъ почему въ области и теоретическихъ, и философскихъ построеній у мыслителей нѣмецкихъ получается въ сущности тотъ же грабежъ, истребительный пожаръ и разореніе вѣковыхъ цѣнностей, какъ и на поляхъ Бельгіи и Польши. Идеализмъ такъ ужъ идеализмъ: до аннулированія всего реального, какъ у Гегеля, напр., который на замѣчаніе, сдѣланное ему по поводу явнаго несоотвѣтствія между дѣйствительностью и его философскими идеями, преспокойно отвѣчалъ: „тѣмъ хуже для дѣйствительности“. Или, скажемъ, — материализмъ: гдѣ еще, въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ смогли бы дойти до грубѣйшей животности, до безусловнаго отрицанія рѣшительно всего специфически-чело-вѣческаго въ чело-вѣкѣ, до отверженія не только религіи и всего духовнаго міра, но и всякой философіи, всякой поэзіи и эстетики? Или возмутительнѣйшій нѣмецкій дарвинизмъ, пересаженный съ чужой почвы (съ англійской): вѣдь онъ нагло обнаженъ у нѣмцевъ именно, напр. у Геккеля, до циничнаго нигилизма, до безбожія, до богоухульства, — или у Нитцше, побившаго всякій рекордъ у всѣхъ своихъ предшественниковъ-отрицателей и дошедшаго прямо до

сатанинской ненависти ко всему духовному и святому, ко всему христіанскому. И, что поразительно, императоръ Вильгельмъ постарался воспринять отъ Нитцше, отъ этого „антихриста“ (какъ онъ самъ съ гордостью называетъ себя) многія безумныя идеи и воплотилъ ихъ въ своихъ рѣчахъ и въ дѣйствіяхъ. Вѣдь онъ, несомнѣнно, вообразилъ себя „сверхчеловѣкомъ“, которому „все позволено“, который свободенъ отъ всякой отвѣтственности за всѣ свои поступки. Напрасно только онъ примѣшиваетъ къ своему нитцшеанству свою безпочвенную, фальшивую религіозность.

Все современное настроеніе нѣмецкаго народа убѣждаетъ насъ, что нѣмецкая вѣра, называемаяся евангелическою, на самомъ дѣлѣ ушла далеко въ сторону отъ Евангелія Христова, вмѣстивъ въ себя элементы чуждые христіанству. Въ міровоззрѣніи нѣмцевъ есть языческіе, іудейскіе, какіе хотите, другіе элементы, но только уже совсѣмъ не евангельскіе. Материализмъ и, особенно, позитивизмъ внесли въ пониманіе христіанства такой сбродъ еретическихъ мыслей, что едва ли въ средѣ германскихъ образованныхъ классовъ въ наше время можно найти лицъ, признающихъ божественное достоинство Иисуса Христа и боговдохновенность Библии и, въ частности, св. Евангелія. А политиканство и милитаризмъ довершили разрушеніе вѣры христіанской въ нѣмецкихъ странахъ: остались только слова христіанскія — безъ мысли, безъ духа. Надо сознаться, что и наши ученые вывезли изъ Германіи столько всякаго вольнодумства подъ видомъ научности. Раціонализмъ заѣлъ и наше интеллигентное общество, А потомъ и сами нѣмцы, чрезъ посредство своихъ колоній, посѣяли среди насъ, а особенно среди нашего крестьянскаго люда массу всякихъ плевелъ раціонализма (въ баптизмѣ, штундизмѣ и пр.). Давно уже устами выдающихся своихъ ученыхъ богослововъ-раціоналистовъ Германія говорила и не перестаетъ говорить предъ всѣмъ міромъ о Христѣ и Его ученіи приблизительно то же, что говорили и современники Христа: „Кто Онъ такой? Не Іосифовъ ли это сынъ? Не знаемъ ли мы и мать Его и братьевъ Его?“... „Какія странныя слова Онъ говоритъ! и кто можетъ Его слушать?“ Многіе тогда уходили отъ Него. Описанъ въ евангеліи такой моментъ (послѣ проповѣди объ истинномъ хлѣбѣ жизни), когда остались съ Христомъ-Учителемъ только Его ближайшіе двѣнадцать. Обратившись къ нимъ, Господь спросилъ ихъ: „не хотите ли и вы отойти отъ Меня“. И эти люди дали отвѣтъ отъ своего чистаго сердца: „Господи, къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ Сынъ Бога живаго“. Такъ же точно должны бы сказать и всѣ христіане нашего времени, только еще съ большею убѣжденностью, какъ „во Христа крестившіеся и спогребшіеся Ему крещеніемъ“. Однако же нельзя забыть и того, что между бывшими тогда учениками былъ и будущій Его предатель, о чемъ и предугадалъ тогда же Господь.

Предъ нами также стоит тотъ же вопросъ нашего Господа „а вы какъ, братіе Мои? Идете ли вы всѣ, пойдете ли и впредь за Мною? Или намѣрены отойти отъ Меня? Или, что всего ужаснѣе, останетесь со Мною, какъ нѣкогда оставался Иуда до времени, чтобы потомъ уйти „въ мѣсто свое?“ О, слушатели, это—вопросъ вѣчности, какъ и всѣ вообще евангельскіе вопросы. И теперь онъ не потерялъ своей свѣжести, какъ не потеряетъ ея никогда, до скончанія вѣка. Мы, сыны Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ члены православной Церкви, должны бы безъ замедленія дать искренній отвѣтъ: къ Нему ли или отъ Него?

Россія, въ общемъ, самымъ своимъ дѣломъ, самую жизнью дала отвѣтъ на евангельскій вопросъ: она, благодаря ужасамъ войны, какъ бы очнулась отъ сна, и первымъ шагомъ ея по пробужденіи было итти на защиту родины: умолкли партійные споры; слились души во-едино; всѣ какъ-то сразу поняли, что опасность отъ нѣмца не только на поляхъ сраженій. Сказалась чуткость русской души, органически отвращающейся отъ нехристіанскаго духа. Въ православныхъ храмахъ полились умиленные молитвы и о дарованіи побѣды христіюлюбивому воинству, и объ обращеніи самихъ враговъ „къ Богу мира и любящему созданіе свое“. А братская любовь вызвала неудержимые порывы любви къ пострадавшимъ на брани воинамъ-братьямъ и повела на свѣтлые подвиги милосердія люди всякаго пола, званія и состоянія. Заговорила народная душа. Преобразилось лицо русской земли. Всѣ слились въ одномъ патристическомъ порывѣ. У всѣхъ одинаково забилося сердце тревогой и не за одно только земное и житейское. Будетъ ли кто скептически спрашивать: гдѣ же эти глаголы Божіи? Кто слышитъ ихъ въ наше время?.. Если еще могли быть сомнѣнія въ возможности глаголовъ Бога къ людямъ въ прежнее время—во время до настоящей войны, то теперь-то всѣ, повидимому, волей-неволей сознаютъ, что сама-то война,—раскатами своихъ громовъ и блескомъ молній,—и есть что-то изъ ряда вонъ выходящее... Здѣсь-то и слышится гласъ вѣчнаго и праведнаго Бога, приводящаго въ содроганіе и трепеть, подобно тому, какъ это было во дни оны, когда впервые на горѣ Синаѣ Іегова возвѣщалъ народу законъ Свой. Въ кровавой неравной распрѣ народовъ, полной бессмысленныхъ реальностей и безсмертныхъ подвиговъ высочайшаго самоотверженія, глубочайшаго, всеобъемлющаго страданія и героически-восторженнаго воодушевленія, совершается гласный и страшный Судъ Божій. Въ огнѣ великихъ испытаній выявляется внутренняя сокровенная сущность души народной и взвѣшивается на вѣсахъ Правда Божія и обнажается до послѣдней глубины истинный, подлинный ликъ народа, въ себѣ и съ собою носящаго свою судьбу. Въ крови же—душа его, и когда льется кровь, громче всего говоритъ о себѣ душа. Подавляемая заботами повседневности, убавкиваемая размѣренно-монотоннымъ шумомъ будней, она

засыпаетъ или пѣжитъ свое воскресеніе обманчивыми грезами, въ родѣ разныхъ мечтаній о прогрессѣ, о скоромъ золотомъ вѣкѣ... И вотъ — съ первыми выстрѣлами на поляхъ битвы миражи разлетѣлись: глянула на насъ страшная дѣйствительность — глазами скелетнаго черепа... „Беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть вина (всегда)“: такъ въ покаяніи заговорила Русь предъ Богомъ и, по слову своего Царя, рѣшила покончить съ стародавнимъ недугомъ своимъ, позорившимъ насъ — пьянствомъ. Точно чудомъ совершилось желанное отрезвленіе. И оно-то явилось наилучшимъ залогомъ будущаго возрожденія Россіи для новой жизни, сознательной и самостоятельной, для духовой бодрости и правоспособности: сказать и „свое собственное слово“ предъ всѣмъ міромъ, на что такъ уповалъ нашъ величайшій писатель, Ф. М. Достоевскій. „Характерная наша черта, — пишетъ другой нашъ писатель (изъ современныхъ), — въ противоположность самодовольному — о, слишкомъ самодовольному! германцу — русскій человекъ всегда чего-то боялся. Въ этомъ хорошаго мало: стыдъ понижаетъ жизнеспособность, ослабляетъ силы. Онъ не только противоположенъ глупому и мѣщанскому самодовольству, но и чувству самоуваженія, безъ котораго немислимо никакое творчество... И мнѣ кажется, что причина самоубійственнаго нашего стыда — все тоже пьянство, съ его исчадьями, вѣчный туманъ и грязь, послѣ которыхъ стыдно бываетъ смотрѣть на свѣтъ Божій“.

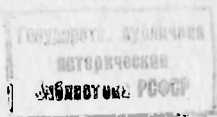
И вотъ совершается на Руси великое таинство — крещеніе кровью, чтобы съ омытой душой русскій человекъ имѣлъ право вступить на „новый берегъ“, гдѣ загорается уже свѣтлая заря новой жизни въ братствѣ съ другими просвѣщенными народами, подъ благодатнымъ небомъ общеславянскаго общенія и вселенскаго православнаго христіанства. Нѣмецкій народъ не оказался способнымъ къ усвоенію христіанскихъ началъ всемірнаго объединенія, въ духѣ взаимнаго довѣрія и уваженія, впасть въ узкій „зоологическій“ націонализмъ, въ самодовольство, думалъ устроить свое благополучіе на чужомъ несчастьѣ, на порабоженіи другихъ народовъ. Приготовляясь къ этому въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, враги наши незамѣтно для себя промѣняли высшія духовныя цѣнности на машину, на подготовку смертоносныхъ орудій, на военную выправку, на бездушную военную дисциплину. Думалось имъ, что они устраиваются какъ нельзя лучше и сдѣлаются въ скоромъ будущемъ владыками земли. Но вышло не то, совсѣмъ-совсѣмъ иное. Забвеніе духа людьми не проходитъ для нихъ даромъ. Мы знаемъ это и изъ Слова Божія: „Богъ поругаемъ не бываетъ“.

Россія еще не ступила какъ слѣдуетъ на новый путь; у насъ — о конечно! — есть свои многочисленные недостатки и мы нуждаемся въ испѣленіи ихъ, но — слава Богу! — душа русскаго человека еще чутка къ дыханію Духа Божія. Есть у нея тяготѣніе

къ Небу. Русскій народъ органически неспособенъ отдать себя въ рабство машинамъ. И религія наша не та, что у нѣмцевъ, и есть у насъ бодрствующая за всѣхъ насъ духовная мать—Церковь, несущая чадамъ своимъ всѣ спасительныя средства, „яже къ жизни и благочестію“, къ уврачеванію и возрожденію. Это незамѣнимое ничѣмъ сокровище наше на землѣ, и мы счастливы безконечно, что можемъ имъ пользоваться. Церковь—это путь къ Христу, Источнику жизни въ духѣ вѣчности. Другого пути къ истинной жизни нѣтъ, только въ Церкви всегда Христость, ея Глава.

Итакъ, намъ нечего искать у другихъ того, что есть у насъ самихъ и притомъ въ высшей и совершеннѣйшей полнотѣ. Помимо христіанства нельзя найти подлинную истину. Безъ свѣта христіанскаго на путяхъ жизни, хотя бы и культурной, только одни обманчивые призраки. Россіи не слѣдуетъ итти по дорогамъ, затоптаннымъ другими. Не слѣдуетъ повторять чужія ошибки. Современная война должна научить насъ заняться старательно отысканіемъ *своего* пути творческаго въ ближайшемъ общеніи съ Господомъ Иисусомъ Христомъ чрезъ Его Церковь. Здѣсь—и нигдѣ больше!—созидающія силы для выработки истиннаго міровоззрѣнія.

Къ Тебѣ, Господи, къ Тебѣ,—Ты одинъ имѣешь глаголы жизни вѣчной!

ц. 15 к. *ко*

МАР 26

МАР 26
11-26
М

МАР 26
3/1

Имѣются въ продажѣ слѣдующія произведенія
того же автора:

- 1) По предметамъ вѣры и жизни. Пастырскія бесѣды
и чтенія 1904 г. Цѣна **1 р. 50 к.**
- 2) Богословіе въ апологетическихъ чтеніяхъ 1913 г.
(Печатается второе изданіе). Цѣна **1 р. 50 к.**
- 3) Вѣра науки и религіозная вѣра. Публичное чтеніе.
Изданіе Златоустовскаго религіозно-философскаго
Кружка. 1914 г. Цѣна **20 к.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

у Товарища Преосвященнаго Попечителя Кружка
свящ. **І. Г. Соколова.**

Старая Басманная, д. церкви Великмч. Никиты.

Выписывающе сотнями пользуются 25% скидкой.

Уставъ Кружка высылается бесплатно.